

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 291.11

НАУКА И РЕЛИГИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Е.О. Гаврилов

Кузбасский институт Федеральной службы
исполнения наказаний Российской Федерации

Gavrilich@yandex.ru

Статья посвящена описанию взаимосвязи науки и религии в исторической ретроспективе и в современном обществе. Проводится анализ трансформации социального положения науки и религии, определяются условия их взаимодействия. Обосновывается идея о том, что определенный сегмент религиозного сознания современного общества ориентирован на синтез сакральных смыслов и феноменов научного творчества.

Ключевые слова: религия, наука, секуляризация, постпозитивизм, постмодернизм.

Вряд ли кто будет спорить с тем, что наука сейчас занимает в обществе особое место. Свидетельством тому является множество фактов, среди которых и зависимость от науки современного производства, и представительство науки в системе образования, ее проникновение в повседневную жизнь почти каждого человека. Она выступает мерилем знаний о действительности и выражает степень овладения силами природы. При этом включенность науки в самые разные компоненты общественной жизни воспринимается вполне буднично.

Оказывая преобразующее воздействие на все сферы общества, наука становится востребованной и субъектами религиозного творчества. Это во многом определяет специфику религиогенеза XX–XXI веков, проявляющуюся, в частности, в рождении таких форм религиозной жизни, в которых религия и наука находятся в той или иной степени переплетения. Их взаимопроникновение иногда оказывается настолько глу-

боким, что провести между ними линию разграничения оказывается непросто.

Так, чудесные события, зафиксированные в священных текстах, получают не только теологическую, но и научную трактовку. С помощью исследовательских процедур раскрывается зашифрованный смысл религиозных образов и понятий. Ритуалы и обряды, принятые в той или иной религии, подвергаются экспертизе с целью установления их рационального значения и практического содержания. Происходит «преодоление» религиозных значений в наукообразные «одежды». Порой стремление подвергнуть научному анализу сакральные смыслы перерастает в религиозное творчество. Его результаты заметно расходятся с постулатами традиционных религий и с положениями академической науки¹. Тем не

¹ Так, Г. Грабовой утверждал, что может с помощью разработанных им методик воскресить детей, погибших в результате террористического акта в Беслане. Основатель Церкви сантологии Р. Хаббард позиционировал себя как разработчи-

менее сама попытка установить связь «научного» и «религиозного» свидетельствует о трансформации этих социальных феноменов, об изменении их в аспекте общественного восприятия и требует специального исследования тех детерминант, которые, в конечном счете, этот синтез обусловили.

Истории известны как паритетные отношения религии и науки, так и варианты их взаимной зависимости. Можно отметить наличие у науки и религии общего корня в лишенном внутренней дифференциации мифологическом сознании. Древний мир и эпоха Средневековья дают нам немало примеров тесной взаимосвязи научного и религиозного компонентов общества. Известно, что жреческое сословие первых государств аккумулировало знания в области медицины, математики, астрономии. Первые философы нередко сочетали рациональный подход к постижению мира с ярко выраженной и порой самобытной религиозностью². В эпоху Средневековья в рамках томизма актуализация проблемы веры и разума приводит к признанию их равноправными источниками истинного знания, хотя предпочтение отдавалось истине откровения. Следует оговориться, что культура Древнего мира и Средневековья практически не знает науки как самостоятельного явления. Элементы, составляющие сегодня содержание научного знания, функционировали в рамках философии и религии как органичные им компоненты.

ка метода духовного оздоровления, прикладной религиозной философии, являющейся альтернативой и науке и религии.

² Пифагор обожествлял число. Фалес наделял душой мировое первоначало – воду. Сократ исходил из убеждения в существовании всеобщего и объективно разумного принципа в мире, названном им богом. Демокрит считал одни атомы зловердными, другие благотворными и называл их богами.

Институционализация науки, ее выделение в самостоятельную сферу духовной жизни происходит в эпоху Нового времени и обусловливается сочетанием двух основных составляющих: «математических объяснений с количественными наблюдениями»³. С этого времени научная картина мира начинает противопоставляться картине мироздания, сформулированной религией⁴. Сперва «библейские тексты были объявлены аллегориями или метафорами», затем «протестанты сдвинули пьедестал авторитета в религии сначала от церкви к Библии, а затем от Библии к индивидуальной человеческой душе»⁵. Дальнейшие успехи науки запускают процесс десакрализации, «расколдовывания» мира⁶. На многие годы именно с наукой человек связывает свои ожидания как в сфере обретения материального благополучия, так и в сфере разумной организации жизни.

В значительной степени развитие науки происходит за счет завоевывания жизненного пространства религии и это, в конечном счете, подрывает ее господство в публичной сфере, а нередко и в области индивидуальных экзистенциальных переживаний. Кажется, что научная интерпретация явлений действительности окончательно приходит на смену их мистическим толкованиям. В определенном смысле религия

³ Барбур И. Религия и наука: история и современность. – М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000. – С. 10.

⁴ Начало этого процесса восходит к традициям светского гуманизма, затем получает развитие в философии Просвещения и находит один из своих результатов в формировании атеистического мировоззрения (см., например: Гольбах П. Священная зараза).

⁵ Рассел Б. Почему я не христианин. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – С. 136.

⁶ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 306–334.

и наука меняются местами: если еще недавно наука «арендовала» свою нишу у религии, обладающей в обществе монопольным влиянием, то наступает момент, когда уже религия стремится сохранить свою легитимность, пусть лишь в тени новой социальной доминанты – науки.

И первоначально ей это удастся. Так, по мнению И. Ньютона, движение планет было запущено «божьей дланью», а все, что произошло после, объясняется законом тяготения. По мнению Б. Рассела, именно от Ньютона XVIII век воспринял характерный штеизм, для которого Бог – законодатель, сотворивший вначале мир, а затем правила, определяющие все дальнейшие события и избавляющие его от необходимости специального вмешательства⁷.

Имеют место и довольно экзотичные примеры апелляции религии к разуму и науке. Так, в России в конце XIX века «секта новохлыстов» под влиянием материалистических идей полагает в качестве единственного источника своего вероучения «только человеческий разум и непосредственное откровение Божества»⁸. В США в последней четверти XIX века возникает «секта сциентистов», или «христианской науки». Ее основательница М.Б. Эдди издает книгу «Наука и здоровье», в которой боль, болезнь называет только продуктами нашего воображения. Мол, стоит только убедить в этом больного, как они быстро исчезнут⁹. Очевидно, что эти взгляды не имеют с наукой, да и с ортодоксальным христианством, ничего общего. Тем не ме-

⁷ Рассел Б. Указ. соч. – С. 153.

⁸ Булгаков С.В. Православие: Расколы. Ереси. Сektы. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. – М.: Современник, 1994. – С. 54–55.

⁹ Там же. – С. 80–81.

нее сам факт обращения к «научной атрибутике» весьма примечателен. Во-первых, он знаменует собой зарождение конкордизма, постулирующего идею о непротиворечивости научного знания и религиозной догмы. Его развитие прослеживается в рамках таких религиозно-философских учений, как неотомизм и теийризм. Во-вторых, он является свидетельством признания обществом высокого социального статуса науки, демонстрирует ее господство в духовной сфере.

Примеры мирного сосуществования науки и религии со временем встречаются все реже. В целом конец XIX – начало XX века отмечены их непримиримым противостоянием. Происходит ревизия места религии в обществе, которая выразилась в теоретическом и практическом обосновании несостоятельности религии в сравнении с наукой. В антирелигиозном ключе трактуются концепция психоанализа и эволюционное учение. В философско-материалистических вариациях религия разоблачается как превращенная форма сознания, иллюзия, коллективный самообман. Каково же положение религии сегодня?

По наблюдениям исследователей, религия утратила ряд важных позиций и перестала быть необходимым компонентом повседневных социальных коммуникаций. По словам Ю. Хабермаса, сегодня «граждане подозрительно относятся к нарушениям границ между политикой и религией»¹⁰. П. Бергер отмечает, что современный «бизнесмен или политик может быть искренно привержен религиозным нормам в семейной жизни и при этом действовать в сфере общественной жизни без всяких ссылок на какие бы то ни было религиозные

¹⁰ Хабермас Ю. Расколотый Запад: пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2008. – С. 44.

ценности»¹¹. Л.Д. Нельсон более категоричен. Опираясь на статистические данные, он делает вывод о том, «что религия все меньше влияет на личную жизнь людей в XX веке»¹².

Действительно, в течение XIX–XX веков происходит не просто «расколдовывание» мира, как об этом говорит М. Вебер, а десакрализация самого сакрального, в результате которой священные тексты и элементы религиозного культа подвергаются светскому истолкованию в качестве всего лишь артефактов истории. В масштабе целых государств осуществляются эксперименты, направленные на создание общества без религии, сухие цифры статистики дают основания для выдвижения тезиса об иррелигиозности современного социума. Идея кризиса религии становится общим местом во многих современных исследованиях.

Признавая, что религия сегодня действительно находится в кризисной ситуации, мы тем не менее считаем, что это неявно предполагает ее новые возможности развития. И действительно, можно указать на достаточно широкий круг специалистов, готовых спорить с утверждением о «смерти» религии. Они отмечают, что многие восточноазиатские высокотехнологичные страны не утратили собственной культурной, мировоззренческой самобытности, базирующейся в том числе и на религии (С. Хантингтон)¹³, что «десекуляризация мира – одно из доминирующих соци-

альных явлений конца XX в.» (Г. Вейгель)¹⁴. Подъем религиозных настроений в ряде государств трактуется как «реванш Бога» (Ж. Кепель)¹⁵. Активно обсуждается проблема формирования постсекулярного общества как общества, пережившего нижнюю точку спада религиозной активности. Отдельные авторы даже находят основания для ревизии самой идеи секуляризации вплоть до ее отрицания и разоблачения как идеологии.

Думается, что постулирование факта возвращения религией утраченных позиций носит преждевременный характер. Требуется более корректная и осторожная формулировка. Видимо, следует говорить о том, что хотя положение религии в обществе существенно изменилось, потенциал религиозной активности далеко не исчерпан. Какие же факторы обуславливают трансформацию религии?

Среди причин динамики религиозной жизни особое значение имеют следующие: во-первых, *модернизация*, открывшая путь становлению науки и положившая начало научно-техническому прогрессу. Именно этот фактор стал причиной элиминации религии из многих важнейших сфер общественной жизни. Во-вторых, *глобализация*, сделавшая возможным взаимопроникновение культур, что привело к размыванию границ идентичности, одним из хранителей которой всегда была религия. И наконец, *светское общество*, в котором равенство религий и свобода вероисповедания способствовали формированию своего рода «рынка религий»¹⁶. В нем возможности религиозного творчества ре-

¹¹ Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 6(32) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html> (Дата обращения 11.10.2012)

¹² Нельсон Л.Д. Секуляризация и социальная интеграция в сопоставительном аспекте // Социс. – 1992. – № 7. – С. 111–125.

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

¹⁴ Цит. по: Тихонравов Ю.В. Геополитика: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 160–161.

¹⁵ Цит. по: Тихонравов Ю.В. Там же.

¹⁶ Finke R., Stark R. Religious Economies and Sacred Canopies: religious mobilization in American

ализуются в соответствии с социальным заказом «потребителей» духовных благ не скованных рамками религиозной традиции. Эти сдвиги дали религии широкую свободу, увеличили возможности ее экспансии, но в то же время привели к тому, что, по мнению С. Жижека, сегодня «религия сводится к вторичному эпифеномену относительно секулярной функции социального целого»¹⁷. Иными словами, религиозная деятельность стала необязательной, она лишь один из многих вариантов структурирования жизненного пространства, один из компонентов широкого спектра объектов потребления. Складывается достаточно парадоксальная ситуация. Не стесняемая сегодня практически никем и ничем, религия тем не менее теряет твердые основания своего существования. Научно-технический прогресс лишает религиозные догматы необходимой достоверности и универсальности¹⁸.

Несмотря на это, притягательность религии сохраняется. Сверхъестественное остается той областью, с наличием которой современный скептически настроенный человек связывает ответы на важнейшие вопросы своей жизни. Более того, сама постановка этих вопросов по-прежнему допустима лишь в соотношении с возможностью существования сакральной сферы. Не случайно, по наблюдениям Э. Тоффлера, самым востребованным товаром в наши дни, который может предложить религия, является именно смысл¹⁹. А это «товар» дорогой. Австрийский психолог, автор логотерапии

cities // American Sociological Review. –1988. – Vol. 53(1). – P. 47.

¹⁷ Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. – М.: Европа, 2009. – С. 6.

¹⁸ Бергер П. Указ. соч.

¹⁹ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – С. 592–593.

Л. Франкл именно с наличием смысла связывает душевное здоровье человека²⁰.

Однако самостоятельно реализовать эту функцию религия, особенно когда речь идет о традиционных конфессиях, ограниченных жесткими рамками догматики и культа, часто оказывается не в состоянии. Как отмечает С. Жижек, «сегодня мы имеем дело с «подвешенной» верой, верой, которая расцветает только тогда, когда в ней не признаются (публично), когда ее оберегают как некую непристойную тайну»²¹. Этим утверждением констатируется наличие разрыва между официальными религиозными институтами, принимаемыми обществом лишь как часть собственной культуры, и сокровенными до конца не осознаваемыми религиозными порывами, подчас очень далекими от традиционных форм. Другими словами, современный человек склонен воспринимать религиозный обычай лишь как культурное наследие. Не стремясь вникнуть в его содержание, он в то же время глубоко в душе лелеет неистребимую веру в высшие силы.

Мы видим, как возникшее «противоречие между знанием и дезавуированной верой, воплощенной во внешних ритуалах»²² приводит к тому, что религиозная вера в какой-то степени приобретает латентный характер и в целях выживания частично мимикрирует в такие социальные формы, которые являются более созвучными современному рационалистическому мировоззрению. Кризис религии, таким образом, можно определить как мучительные попытки ее интеграции в современную систему социальных отношений, попытки восстановить во многом утраченную связь

²⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 334–336.

²¹ Жижек С. Указ. соч. – С. 12.

²² Там же. – С. 14.

с религиозностью индивида. Ситуация для этого вполне созрела. Религиозное чувство требует выхода, но не находит его в системе проложенных ранее религиозных каналов, значительно дискредитированных светской критикой. Своего удовлетворения оно достигает в формах, к религии прямого отношения не имеющих, в том числе и в тех, которые в чем-то стремятся приблизиться к науке.

Параллельно с модификациями, которые претерпевает религия, происходят трансформации в восприятии статуса науки. Классический образ науки претерпевает изменения, вновь открывающие вопрос о демаркации границ между ней и религией, происходит сглаживание оппозиции этих феноменов. Начало этому было положено революционными открытиями конца XIX – первой половины XX века, перевернувшими устоявшуюся научную картину мира²³. Положения неклассической, а затем постнеклассической науки²⁴ каждый раз требовали радикальной коррекции представлений человека о действительности, частичного отрицания казавшихся незыблемыми теорий. «Возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов»²⁵.

Это приводит к пересмотру самих методологических оснований научного знания.

²³ Речь идет, прежде всего, о теории относительности, принципе неопределенности и принципе дополнительности.

²⁴ Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии 04.06.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=52 (Дата обращения 11.10.2012)

²⁵ Там же.

В концепциях постпозитивизма происходит отказ от верификации как критерия научности высказываний²⁶. Распространяется убеждение о том, что любая научная теория, по сути, является своеобразным верованием, носит принципиально предположительный и субъективный характер. Ее объясняющий потенциал рано или поздно будет исчерпан, и тогда старую теорию ожидает радикальная замена новой²⁷. Сама наука квалифицируется отдельными критиками как «миф современности» или еще одна идеология, насильственно навязывающая человеку определенные идеи и ценности²⁸. Она «господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям»²⁹. Так происходило развенчание претензий науки на создание целостной и стабильной картины мира. Напомним, что нечто подобное в свое время пережила и религия.

Все эти соображения представляют собой явную или косвенную констатацию ограниченности возможностей науки в интерпретации явлений действительности. Вторая половина XX века отмечена нарастанием критики сциентизма в качестве программы общественного развития и мировоззренческой платформы. Выводы многих специалистов отвергают абсолютизацию роли науки как противоречащую гу-

²⁶ Поппер К. Логика и рост научного знания // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – С. 245.

²⁷ Кун Т. Структура научных революций. С вводящей статьей и дополнениями 1969. – М.: Прогресс, 1977. – С. 201, 208–209.

²⁸ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 450, 514.

²⁹ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 513.

манистическим принципам и игнорирующую многообразие форм человеческого опыта восприятия и отношения к миру.

Переосмысление социального статуса науки стало частью масштабных социокультурных трансформаций, сопровождавших переход от эпохи модерна с ее позитивистскими установками к постмодернизму, сделавшему тотальный скепсис своим основополагающим принципом. Утверждение постмодернизма как доминирующего культурного тренда ознаменовало кризис рациональности в обществе, который рассматривается как элемент кризиса человеческой, а по некоторым оценкам преимущественно «западной» цивилизации. Подвергаются сомнению как познавательные способности человеческого разума, так и степень универсальности научного подхода, его уместность в постижении разнообразных форм проявления бытия³⁰. Так, американский социолог науки К. Кнорр утверждает, что продукты научной деятельности не соответствуют чему-то в природе, скорее, они выкованы, сконструированы, преобразованы из чего придется³¹. Собственно в постмодернизме, констатирует Л.А. Маркова, исчезают даже такие базовые для классической науки понятия, как познающий субъект и как объект познания³².

Одним из следствий смены эпох стало мнение, что наука переживает закат, исчерпав свой потенциал развития³³. В обще-

ственном сознании формируется эпистемическая неуверенность, недоверие к представлениям о мире, основанным на данных науки, ощущается утрата цельности в самом восприятии себя и действительности³⁴.

Однако, насколько оправданы эти негативные оценки относительно возможностей науки? Ведь сомнения в достоверности научных интерпретаций, характерные в определенной степени для современного общества, «понижение рейтинга» социального статуса науки отнюдь не приводят к массовому отказу от ее достижений. Более того происходит все большее вращение общества в техносферу. Научная деятельность перестала быть уделом избранных, а превратилась в одну из профессий, средство заработка, рутинную работу и иногда даже в хобби.

Тем не менее современные философские интерпретации смены научных картин мира формируют понимание науки как одного из многих ракурсов мировидения. Наука сегодня – это не знание в чистом виде, а в некотором смысле одна из идеологических систем, претендующая на власть в толковании явлений действительности, в организации жизненного опыта индивида. Она может конкурировать или соединяться с иными равновозможными прочтениями реальности. По словам М. Фуко, «вопрос идеологии, поставленный перед наукой, ... это вопрос ее существования в качестве дискурсивной практики и ее функциони-

³⁰ Фарман И.П. Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности: в 2 т. – Т. 1. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 238–361.

³¹ Маркова Л.А. Постмодернизм в науке, религии и философии // Философия науки. – 2001. – № 3. – С. 52–75.

³² Там же. – С. 52–75.

³³ Матюшкин И.В. Кризис рациональности, или в преддверии конца научно-технического прогресса // Материалы Московского Между-

народного синергетического форума 08.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inventors.ru/krizis_racionalnosti_ili_v_predverii.html (Дата обращения 11.10.2012)

³⁴ Задворная Е.Г. «Онтологически неуверенная личность» // Постмодернизм. Энциклопедия. сост. и науч. ред. А.А. Грипанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – С. 154.

рования среди других практик»³⁵. Таким образом, формулируется убеждение, что наука есть только один из многих языков прочтения реальности.

Сохраняя доминантное положение в обществе во многом благодаря своему практическому технологическому эффекту, наука тем не менее четкость своего образа утратила. Это позволяет рассматривать ее как основу для синтеза с различными элементами иных социальных сфер. Хотя еще относительно недавно – в XIX веке – О. Конт рассматривал науку как форму окончательного преодоления теологической и метафизической стадий развития человеческого духа, современность предоставляет нам немало примеров того, как «научное» и «ненаучное» достигают неожиданной согласованности. И уже в начале XXI века В.С. Степин по этому поводу замечает: «Многое из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки»³⁶.

Итак, исторические судьбы науки и религии оказываются не только теснейшим образом переплетенными, но и в некоторой степени повторяют друг друга. Занимая в обществе исключительное положение, они со временем становятся объектом критического пересмотра их социального статуса. На смену имиджа сначала религии, а потом и науки как истины в последней инстанции приходит трактовка их как феноменов, лишенных универсальности, непререкаемой убедительности и онтологической репрезентативности. Возникают предпосылки для снятия фундаментальной

опозиции науки и религии. Формируется мотивация к произвольному комбинированию религиозными и научными смыслами. В этом процессе наука выступает то в качестве инструмента постижения религиозных смыслов, то в качестве материала для формирования новой религиозной доктрины, то в качестве метода достижения задаваемых религиозной верой целей.

Литература

Барбур П. Религия и наука: история и современность. – М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000. – 430 с.

Булгаков С.В. Православие: Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. – М.: Современник, 1994. – 575 с.

Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 306–334.

Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. – М.: Европа, 2009. – 336 с.

Задворная Е.Г. Онтологически неуверенная личность // Постмодернизм. Энциклопедия. Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – 1040 с.

Кун Т. Структура научных революций. С вводящей статьей и дополнениями 1969. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

Маркова А.А. Постмодернизм в науке, религии и философии // Философия науки. – 2001. – № 3. – С. 52–75.

Матюшкин П.В. Кризис рациональности, или в преддверии конца научно-технического прогресса // Материалы Московского Международного синергетического форума 08.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inventors.ru/krizis_racionalnosti_ili_v_predverii.html

Нельсон А.А. Секуляризация и социальная интеграция в сопоставительном аспекте // Социс. – 1992. – № 7. – С. 111–125.

³⁵ Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – С. 339.

³⁶ Степин В.С. Указ. соч.

- Поппер К.* Логика и рост научного знания // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – 604 с.
- Рассел Б.* Почему я не христианин. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 333 с.
- Тихонравов Ю.В.* Геополитика: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 269 с.
- Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
- Фарман И.П.* Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности: в 2 т. – Т. 1. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 238–361.
- Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
- Фуко М.* Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Хабермас Ю.* Расколотый Запад: пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2008. – 192 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
- Finke R., Stark R.* Religious Economies and Sacred Canopies: religious mobilization in American cities / R. Finke, // American Sociological Review. – 1988. – Vol. 53(1). – P. 41–49.
- Бергер П.* Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 6(32) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html>
- Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии 04.06.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=52